

ВАДИМ СКУМБРИЕВ
КОГНИТИВНАЯ
СИМФОНΙΑ

Вадим Скумбриев
Когнитивная симфония
Серия «New Sci-Fi (1С)»
Серия «Когнитивные истории», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51821391

Аннотация

Перед нами странный мир планеты Клэр. Над планетой за всем наблюдает глаз бога – и днём, и ночью, которые длятся по сто часов. Солнце тут еле светит, да и размером совсем небольшое, а ровно в полдень планета погружается в крошечный мрак затмения. Именно сюда рухнул поисковый катер Андрея Комарова. Экипаж чудом уцелел, но участь его незавидна, ведь жизни на планете нет, а помощи ждать неоткуда. Но вдруг научные справочники ошибаются?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вадим Скумбриев

Когнитивная симфония

Глава 1

Удара никто не ждал. Просто вдруг застонала обшивка, закричала автоматика, и корабль вздрогнул, точно напоровшись на невидимый штырь. Кажется, кричал и кто-то из экипажа – Андрей не прислушивался, он пытался справиться с управлением. Катер падал вниз, в углекислую атмосферу Клэр, где не выжить ни одному Робинзону, и всё-таки пилот не сдавался. Он вообще не думал ни о чём, кроме скачущих цифр на экранах, пылающего в иллюминаторах ада и перегрузках, вжимающих его тело в кресло. В ушах гремел барабанный бой, визжал воздух, струясь вдоль крохотных крыльев челнока. А в какой-то момент всё это кончилось, и Андрей наконец позволил себе рухнуть в небытие.

Он не знал, сколько пролежал без сознания – для него не прошло и секунды. Только в руках появилась ломота, голова болела, будто он пытался пробить ею стену, и во рту отчётливо ощущался привкус крови. Да, здорово его потрепало. Но и в таких переделках он ещё не бывал.

Пилот глубоко вздохнул, подумав, что дышать осталось недолго. Неважно, хватит ли кислорода на час или сутки –

разница только в длине агонии. А как же остальные? Ханна, Рашель? Андрей понадеялся, что они не выжили. Лучше уж умереть мгновенно, чем медленно подыхать от удушья.

А ему это ещё предстоит.

Он покачал головой, тут же сжав зубы от боли – дали о себе знать перегрузки. Пришлось оставить попытки шевелиться и расслабленно замереть, чувствуя, как успокаивается вспыхнувший внутри ураган. Хотя бы несколько минут. Потом станет легче. Должно стать.

Окна кабины изрядно обгорели, едва пропуская внутрь тусклый свет – Андрей даже поразился, как удачно ему всё-таки удалось посадить челнок на пустоши Клэр и не разбить его при этом в лепёшку. Посадку он не помнил. Или это сработала автоматика? Он разлепил губы, собираясь позвать корабельный ИИ, но увидел тёмные безжизненные экраны навигационного пульта и понял, что это бесполезно. Что ж, пускай.

Вряд ли это изменит уже случившееся.

Клэр. Дурацкое имя для небесного тела, но их давно уже перестали называть именами из мифологии – никаких богов и богинь не хватило бы даже для ближайших систем. Планеты ещё успели получить красивые названия, а их спутникам уже пришлось обходиться тем, что осталось. Вот и Клэр получила имя жены астрофизика, открывшего её. Очень романтично.

Кстати о романтике – сколько там осталось воздуха? Ви-

зор шлема молчал, такой же мёртвый, как и весь остальной корабль. Хорошо хоть, экран прозрачный и можно что-то увидеть, не прибегая к электронике. Только чтобы встать и осмотреться, нужно немало сил, а их-то и не было. Две недели в невесомости не проходят бесследно, даже если тело адаптировано к такой работе с помощью генной инженерии.

Пилот снова вздохнул. Кислородная маска будто приросла к лицу, а ведь он даже не помнил, как успел надеть её. Что вообще произошло? В памяти отложился удар, свист, грохот. Случилась разгерметизация. Андрей тогда сидел в кабине – полётом управлял компьютер, но указания ему давал человек. Это его и спасло, наверное. Это и ещё привычка соблюдать все нормы безопасности даже в ситуации, когда, казалось бы, никакой угрозы нет. Именно поэтому он оказался пристёгнут и взял управление на себя, когда всё случилось.

Мышцы ныли, впрочем, после таких перегрузок это совсем неудивительно. А осмотреться хотелось. Если уж надежды нет, так стоит хотя бы увидеть перед смертью чужой мир – много ли пилотов побывало на спутниках планет Прокциона? Можно даже съёмку сделать, если на корабле осталась хоть одна уцелевшая камера. Только бессмысленно это. За пропавшей экспедицией не всегда посылают поисковый отряд, а если теряется и он, то уж точно никто больше не полетит: слишком опасно, слишком дорого, слишком бесполезно. Андрей как раз и был таким поисковиком, только теперь, пожалуй, его карьера закончилась.

Он отстегнул ремни. Голова закружилась, Андрея замутило так, что пришлось вцепиться в подлокотники пилотного кресла и заставить желудок успокоиться. Наконец полегчало. Теперь надо достать резервный баллон, снять шланг маски и... Андрей посмотрел на крепление и замер, не веря своим глазам.

В гофрах шланга зияла большая дыра.

А он продолжал дышать.

Андрей осторожно ощупал прореху и для пробы глубоко вдохнул. В лёгкие послушно устремился поток воздуха. Никакого удушья. Пилот сорвал шлем, путаясь в креплениях, снова вдохнул, и на этот раз сомнений не осталось – он дышал воздухом Клэр. И жил.

С трудом Андрей приподнялся и буквально вывалился из кресла – ноги отказывались держать восемьдесят килограмм его тела. Пришлось так и замереть на ребристом полу, слушая, как стучит в ушах ток крови, и за неимением другого дела вспоминая всё, что он знал о Клэр. Впрочем, знал Андрей не так уж много. Будь рядом Рашель, она безо всякого справочника рассказала бы всё, что нужно. Оно и понятно – ординатор, живой компьютер, что с неё взять. Ханна тоже могла бы подсказать, уж о цели путешествия астрофизик должна была знать всё. Целью, правда, была не конкретно Клэр, а вся система, но поисковикам на такие вещи обычно плевать. А вот Андрей знал немного. Можно было, конечно, запустить смартбрасер и влезть в астрономический каталог,

но слишком уж не хотелось шевелиться. Оставалось только вспоминать.

Клэр. Система Проциона, класс... Шум в голове не давал вспомнить звёздные классы, но вроде бы это то ли жёлтый, то ли белый субгигант. Ярче Солнца... и всё. А дальше? Ну, они вышли на орбиту вокруг Финна, газового гиганта, это-то он знал хорошо. Так, планетка немаленькая, побольше Юпитера будет, спутники... Клэр. Самый крупный спутник Финна. Размером меньше его родной планеты, а вот тяжесть даже больше, кажется. Очень высокая плотность, нетипично для спутников. Дальше – атмосфера, самое главное. Состав Андрей не помнил, но знал точно, что для дыхания она непригодна. Процион вообще не имел хоть сколько-нибудь подходящих планет, вроде бы не тот тип звезды, или что-то такое. Нет здесь жизни, и быть не может.

Только сейчас Андрей спокойно дышал воздухом одной из этих самых планет и не спешил умирать.

Не планеты, а спутника, поправил он сам себя и мысленно усмехнулся, пытаясь шевелить ногами. Да какая кому разница, планета или спутник? Откуда здесь взялся кислород – вот что надо выяснить.

Будет смешно, если это просто автоматика сумела закрыть разгерметизированный отсек. Впрочем, вряд ли. Даже отсюда Андрей мог видеть сквозь полуприкрытую дверь кабины хаос, царивший в центральном коридоре. А он тянулся до самого хвоста, перекрывать там нечего.

Морщась, он встал на четвереньки. Тренированное тело на этот раз не отказалось повиноваться – всё-таки для выхода из строя ему требовалось нечто большее, чем пара нагрузок в десяток g.

– Ух, – сказал Андрей, хватаясь за спинку кресла. Ноги вроде бы держали.

Каждый шаг отдавался болью во всём теле, но пилот всё же заставил себя дойти до двери и выглянуть в центральный коридор. Увиденное поразило его: у самого хвоста в стене зияла дыра, и оставалось только удивляться, как скорлупка катера не разлетелась на части ещё в верхних слоях атмосферы. Андрей чётко видел вывернутые края входного отверстия, топорщащиеся лохмотьями разорванной углеткани, и наверняка такое же имелось ещё дальше, во внешней обшивке – вон, даже виден струящийся из него слабый голубоватый свет. А с другой стороны в двери красовалась огромная неаккуратная прореха, будто снарядом из электромагнитной пушки попали. Что-то пробило космоплан насквозь, чудом не разнеся реактор.

В иных обстоятельствах – на Фрейе, к примеру – Андрей уже открывал бы бутылку. Ну или мечтал бы о ней, потому как на корабле спиртного не было. Ухитриться совершить относительно мягкую посадку с таким повреждением – это надо быть мастером высшего класса или родиться с четырёхлистным клевером в зубах, а скорее всего, и то и другое. Только сейчас он был не на Фрейе и даже не на одной из

новых колоний где-нибудь в системе Гельвеции. И помощи здесь ждать неоткуда.

То есть, если подумать, он всё равно обречён.

Андрей доковылял к двери в медблок и сел, устало привалившись спиной к стене. Здесь иллюминаторов уже не было, так что пришлось неуклюже тыкать пальцами в смартбрасер на руке, включая фонарь. Тот, по счастью, работал. На всякий случай пилот приоткрыл дверь и осветил внутрь – никого, только разбитое оборудование валяется на полу.

Он попытался вспомнить, где находились остальные в момент удара. Не вышло. Зато из-за двери в аналитический отсек донёлся слабый голос – кто-то звал его по имени.

Силы взялись словно из ниоткуда, секундой спустя Андрей уже был у двери. Луч фонаря выхватил лежащую фигуру в красно-белом комбезе. Рашель. Живая, только нога плоховато выглядит – штанина комбеза пропиталась кровью, да и на голове тоже нехорошие потёки. Чёрные волосы разметались по полу, лицо бледное. Пускай, главное – не погибла.

– Рашель? – осторожно позвал Андрей. Девушка медленно повернула голову.

– Здесь, – её голос был слабым, но спокойным.

– Вижу. Ты как?

– Нужна операция, – она слегка приподнялась на локтях и скривила губы. – Кажется, разбита коленная чашечка.

Ну да. Нормальный человек ответил бы что-нибудь в духе «Не очень» или «Так себе». Или вообще «Хреново».

Рашель выдала чёткий, информативный ответ. Даже с изуродованной ногой она мыслила, как всегда.

– Я вроде более-менее цел, – он сел рядом. – Что случилось?

– Не знаю, – Рашель покачала головой. Андрей хотел помочь ей сесть, но понял, что с такой раной это будет не самым разумным поступком, и сдержался. – Был удар. Грохот. Потом падение. Ты был в коридоре? Что там?

– Дыра в корпусе, ближе к складскому отсеку. Метеоритная атака в термосфере, наверное, – он снова взглянул на колено.

– Вполне возможно, – вздохнула Рашель. – Хотя вероятность – ноль целых ноль-ноль...

– Да к чёрту вероятности! – рявкнул Андрей, и девушка замолчала. – Прости, – тут же исправился он. – Я не должен был кричать, но слушай, мне всё равно, какая там вероятность метеоритных атак и так далее. Главный вопрос – что делать?

– Мы в необитаемой системе, – она не обратила внимания на его вспышку, будто ничего и не было. – Шансы выжить стремятся к нулю. Единственное, что вносит неизвестный параметр – кислород. Его тут быть не должно. Поэтому прогноз неточный.

– Ага, тоже заметила, значит? – Андрей, кряхтя, поднялся на ноги. – Слушай, я попробую найти Ханну. И тебе что-нибудь для ноги... больно?

– Очень, – Рашель прикрыла глаза.

Чёртов ходячий компьютер, подумал Андрей. В этом её «очень» было не больше эмоций, чем в отношении пилота к, скажем, голубым розам. Да никак он к ним не относился. Вот и Рашель – никак. Ко всему.

Он снова выглянул в коридор, стараясь не обращать внимания на кружащуюся голову и ватные ноги. В конце концов пришлось всё-таки обратиться к медблоку в смартбрасере и вкатить себе дозу стимулятора – экран обиженно сообщил о возможном вреде для здоровья, но перед глазами изрядно прояснилось.

Так-то лучше. А ведь у Рашель наверняка стандартный блок, где ничего толком не предусмотрено, даже сильного обезболивающего нет. Это Андрей по старой привычке всегда использовал общевойсковой комплект. Вот он и пригодился.

Расправив плечи, пилот стал проверять разбитый корабль, начав от кабины. Инженерный отсек – пусто. Впрочем, туда во время полёта никто и не заходил, не считая редких визитов Рашель. Монитор контроля систем космолана молчал, такой же безжизненный и тусклый, как и экраны в кабине. Пахло гарью – не иначе как погорела проводка, а может, отлетела плитка термозащиты, и раскалённый воздух проник внутрь. Теперь это уже неважно.

Следующим был медблок. Царившая везде мёртвая тишина начинала действовать Андрею на нервы – он слишком

привык к слабому, но равномерному шёпоту космоса. Даже когда выключался двигатель, всё равно на корабле что-то постукивало, шелестело, говорили о чём-то Рашель с Ханной... а сейчас – ничего. Нет, кажется, ветер свистит. Звук, который пилот успел почти забыть за три недели в этой консервной банке.

Он спокойно вскрыл одну из аптечек, ища обезболивающее. Вот и оно, в шприц-тюбике, как положено. Несколько секунд пилот размышлял, вернуться ли к Рашель или искать остальных, и в конце концов собрал аптечку обратно. Кто знает, может, Ханне помощь нужна, а ходячий компьютер потерпит. Мало ли как сильно они боль испытывают?

Очень, сказала Рашель. По голосу было слышно, как ей «очень» больно.

Вот электрораспределительный щит. Гарью запахло сильнее, но видимых повреждений нет.

Камбуз. Почти целый, даже удивительно.

Личные каюты – в одной он нашёл Ханну. Бросился к ней, уже понимая, что девушка мертва, проверил пульс, посмотрел в её глаза, залитые кровью из лопнувших сосудов – и осторожно опустил веки. Должно быть, ударная вибрация. Даже Андрею в кабине пришлось несладко, до сих пор уши гудят, а что обрушилось на Ханну, страшно было даже представить.

Усилием воли он заставил себя отвернуться от погибшей. Сейчас не время для эмоций.

Склад. Именно сюда ударил метеорит, и смартбрасер нехорошо запищал, предупреждая о повышенной радиации. Довольно быстро Андрей установил причину – ударная волна повредила реакторный отсек. Не настолько, чтобы там случился пожар, но ядерное топливо всё же протекло, и теперь о запасах еды и воды можно забыть.

Из дыры в обшивке по-прежнему лился слабый свет, и Андрей, остановившись, впился в него взглядом. А потом уже не помнил, как проник в шлюзовую камеру, как нажал на хитрые рычаги, освобождая люк, как выглянул наружу и спрыгнул на землю. Всё это ушло куда-то в глубины памяти, забылось, всё это оказалось вытеснено зрелищем, подобного которому, наверное, не видел ещё никто и никогда.

На Андрея смотрел глаз Финна.

Гигантская планета плыла высоко в небесах Клэр, нависая над горизонтом. Тонкий теневого серп скрывал часть диска, а на чёрном бархате вокруг рассыпались звёзды – множество ярких искорок, которым Андрей не знал названий. Ярче Канопуса, ярче даже Сириуса – это были спутники Финна, кружившие вокруг своего хозяина.

А вокруг упавшего с бархата катера расстилалась фиолетовая степь. Бескрайний ковёр из вересковых кустарников тянулся до самого горизонта, теряясь в ночи, и со всех сторон Андрея окружали мрачные силуэты гор – он был заперт на дне огромной долины. И где-то далеко на одной из вершин сияла красная точка, едва различимая на фоне ночного

неба.

Андрей бросил на неё короткий взгляд и отвернулся.

Рашель терпеливо ждала, согнув здоровую ногу и стараясь не тревожить больную. Чувствуя неодолимый стыд за тот минутный порыв, Андрей распаковал аптечку – шприц был на месте. Секундой спустя игла вонзилась девушке в бедро.

– Это успокаивает, – прошептала ординатор, пока он вводил раствор.

– Мы остались вдвоём, – Андрей устало опустил на пол рядом. Действие стимулятора проходило, и, как всегда, теперь больше всего хотелось спать. Даже абсолютное спокойствие Рашель уже не вызывало раздражения. – Как нога?

– Боль уходит, но в остальном всё по-прежнему, – она закрыла глаза. – Ханна мертва?

– Да, – он подумал, что даже сейчас эмоций в её голосе почти нет. – Но, по крайней мере, не мучилась. А нам это ещё предстоит. Метеорит влетел в склад и задел реактор, припасы заражены радиацией.

– Если цела шлюзовая камера, там должно быть оружие. По пуле нам с тобой хватит.

– Это-то всегда успеется, – буркнул Андрей и подумал, что никогда так не поступит. Иначе сразу направил бы катер вниз, а не пытался до последнего вывести его на посадку. Нет, он будет до последнего цепляться за жизнь, даже зная, что обречён. Такой уж характер. – Не надо спешить.

– Ты выглядывал наружу, – Рашель не спрашивала, и Ан-

дрей ощутил себя последней сволочью.

– Да, – признался он.

– Что там?

Он облегчённо вздохнул, понимая, что оправдываться не придётся.

– Там... – пилот запнулся, вспомнив красный огонёк. – Пустошь и фиолетовый кустарник, насколько хватает глаз.

– На Клэр не должно быть жизни, – тихо сказала Рашель.

– Но она есть. Когда в звёздном справочнике обновлялась статья про спутники Финна?

– Дата не указана, но давно. Система Проциона почти не исследовалась, когда стало ясно, что пригодных для колонизации планет здесь нет.

– Нет? А мы тогда где сейчас? Откуда здесь кислород и растения?

– Я бортинженер, а не астрофизик, – ординатор откинула со лба прядь волос. – Не знаю.

Несколько минут они молчали. Рашель, казалось, спала, а Андрей размышлял, сказать ли ей о красном огоньке или нет. Он не сомневался, что огонёк – дело рук разумных существ: слишком ровный и чёткий, никакой пожар так выглядеть не может, даже если тут есть чему гореть. Маяк для визуальной навигации – вот что это такое. Осталось только понять, зачем он там нужен. И кто им руководит.

– Я видел ещё кое-что, – наконец проговорил Андрей.

– Кое-что? – Рашель открыла глаза.

– Да. Очень далеко. Красный сигнальный огонь, что-то вроде маяка.

– Вот как... – она вздохнула и задумалась. – Там, наверное, можно найти помощь.

– Да. И завтра мы туда выдвинемся.

– Мы?

– А ты хочешь остаться здесь?

Рашель покачала головой.

– Без воды нам туда не дойти.

– На камбузе уцелел бак с оперативным запасом. На несколько дней хватит.

– На несколько дней для тебя одного, – уточнила она. – А со мной тебе придётся идти очень долго. Вероятность...

– Так! – расвирепел Андрей. – Никаких вероятностей!

– В тебе говорят эмоции, – вздохнула ординатор. – Успокойся и послушай голос разума.

– Я не пойду один!

– Пойдёшь. Вероятность моей смерти при текущих условиях – единица. Твоей – тоже единица, если мы отправимся вместе, и почти девять десятых – если пойдёшь один. Выбор очевиден.

Таким тоном она могла бы сообщать прогноз погоды на завтра. Ледяное спокойствие, то самое, что всегда раздражало Андрея при общении с этой девушкой, да и с другими подобными ей. И если во время полёта он аккуратно прятал свои эмоции подальше – в конце концов, личное отношение

к ординаторам не должно влиять на работу – то теперь сдерживаться не мог и не хотел.

– Засунь свои расчёты в задницу! – рывкнул пилот, вскакивая на ноги. – И запомни раз и навсегда, черта с два я позволю тебе помереть!

– Почему? Ты ведь не любил меня, – её голос был по-прежнему бесстрастен.

– Да потому, что ты – мой экипаж! – Андрей ткнул в неё пальцем. – И человек, пусть даже тебе генетики мозги набекрень сделали! Хватит с меня и Ханны. Знаешь, там, откуда я родом, ну, ещё на Земле, древние говорили: «сам погибай, а товарища выручай». Так что хочешь или нет, а я найду из чего сделать костыли, и пойдём мы вместе. И умрём, если что, вместе. Понятно?

– Хорошо, – кротко ответила Рашель. – Пусть будет по-твоему.

Андрей облегчённо вздохнул. Ему всё же удалось переспорить холодную логику ординатора.

Он никогда не понимал Рашель. Компьютеры на ножках, счётчики, живые калькуляторы – как только он ни называл таких, как она. На земле, конечно. В космосе нет Андрея Комарова, а есть живая функция, и больше ничего. В космосе он сам становился ординатором, подавляя эмоции и руководствуясь только разумом. Там иначе никак: те, кто позволял себе срываться или нагнетать обстановку, обычно быстро заканчивали с полётами. Но это достигалось трениров-

ками и самоконтролем, ординаторы же были такими всегда. Иногда Андрею и вовсе казалось, что мир для них – всего лишь колонка цифр, которые можно загнать в уравнения и рассчитать, получив нужный результат. Вот и сейчас Рашель говорила о своей участи, как о чём-то абстрактном, лично её никак не касавшемся. Уж на что Андрей хорошо знал характер ординаторов, а всё равно взбесился.

Дура она всё-таки, решил он. Не понимает, что нельзя так бросать человека, пусть даже шансов на спасение и нет. Не по-людски это. Да и дойдёт ли он до огонька – чёрт его знает. Может, там и нет ничего. Автоматический маяк какой-нибудь, который исследователи поставили. Это ведь только экспедиция с Фрейи тут бесследно пропала, почему к Проциону и отправили команду Андрея, а могли быть и другие. С той же Гельвеции, например. Оповещать никого они не обязаны, прилетели, сбросили на Клэр несколько маяков на будущее и всё.

А он, радостный, думает, что там спасение.

Нет, он, конечно, всё равно пойдёт. Лежать смирно и ждать, пока закончится вода, уж точно не в его правилах. Только и надежд лишних строить – тоже.

Рашель уснула, и Андрей, стараясь не шуметь, выбрался обратно в коридор. Хотелось бы перенести девушку в каюту, только бессмысленно это. Лишний раз тревожить раненую ногу явно не стоит, впереди ещё долгий путь, а переночевать можно и на полу. Системы климат-контроля, конеч-

но, отключились, но по ощущениям особо холоднее не стало, несмотря на ночь. Андрей даже сверился со смартбрасером – двести восемьдесят семь по Кельвину, примерно как в умеренных широтах Фрейи ночью. Сколько же тут тогда днём?

Впрочем, это был не тот вопрос, над которым Андрею хотелось задумываться. Хватало других.

Он вытащил наружу тело Ханны. Копать пришлось монтировкой – ничего лучшего под рукой не нашлось, но рыхлая, распаханная упавшим катером красноватая земля поддавалась без труда и такому импровизированному инструменту. А когда могила была готова, Андрей осторожно уложил в неё Ханну и, вздохнув, принялся забрасывать землёй.

На небо во время работы пилот даже не взглянул, лишь закончив, выпрямился и поднял голову. Финн всё так же равнодушно смотрел вниз, окружённый россыпью сияющих искр. Андрей невольно поёжился – видеть над головой эту штуку было как-то неуютно.

Красный огонёк горел далеко на горизонте.

Перед сном он всё же активировал смартбрасер и заглянул в астрономический каталог. Статья о Клэр заключалась в трёх крохотных абзацах и списке астрофизических параметров, на которые он даже не посмотрел. Воды – пятнадцать процентов от общей площади, океаны неглубокие, так что её тут совсем мало; атмосфера – азот, углекислый газ и немного метана с аммиаком. Кислорода, разумеется, нет. То ли горе-учёные налажали с исследованием, то ли вообще не изу-

чали Клэр, а ткнули цифры наугад. Хотя в такую безалаберность пилот не верил. Космос идиотов не любит.

Естественные сомнения в правдивости статьи разрешил электронный газоанализатор, встроенный в смартбрасер – кислорода в здешнем воздухе было чуть меньше тридцати процентов, метана и аммиака не обнаружилось вовсе. Хотя оно и логично, уж аммиак Андрей бы учуял безо всяких приборов.

Он принялся читать общую статью про систему Проциона и сам не заметил, как задремал. А проснувшись, обнаружил, что Рашель не дышит.

«Сам погибай, а товарища выручай» – было нацарапано на гладкой поверхности аптечки, которую Андрей по глупости не подумал убрать. Рашель тщательно перетянула шею медицинским жгутом, сдвинула артерии, затянула узел – и тихо умерла.

– Сука, – беспомощно выдавил Андрей, глядя на мёртвую девушку. – Сука!

Он скорчился на полу, закрыв глаза и стуча кулаком по стене.

А вскоре уже копал вторую могилу.

Глава 2

Его мутило. Смерть Рашель была какой-то нелепой, дурацкой, глупой. Ординатор наверняка не колебалась ни секунды, принимая решение, уж он-то знал прекрасно, и согласилась тогда с ним только чтобы усыпить бдительность. Для неё всё было просто: вот единица, вот девять десятых. Зато Андрей ещё никогда не сталкивался с такой жертвой ради себя.

«Успокойся и послушай голос разума», – сказала тогда Рашель. Андрей не послушал, потому что не мог. Не умел. Зато девушка эмоциям оказалась неподвластна, как и всегда.

Ходячий компьютер... Нет, вдруг подумал пилот. Больше он никогда никого из них так не назовёт.

– Сам погибай, а товарища выручай, – пробормотал он, бросая последнюю горсть земли на холмик могилы. Прежде Андрей как-то не задумывался, что принцип этот – обоюдострый. И, наверное, единственное, что он мог сделать для Рашель – дойти до того проклятого красного огонька. Пусть он окажется автоматическим маяком или вообще станцией пришельцев, плевать. По крайней мере, свой долг перед девушкой он выполнит.

Сборы были недолгими. Покопавшись в каютах, Андрей сделал из запасного комбеза импровизированную котомку, куда закинул пластиковую колбу с водой, остатки еды и

несколько запасных магазинов. Затем прикрепил на пояс кобуру с пистолетом, монтировку и нож. Проверил заряд смартбрасера – почти полный. Хотя и толку от него, наверное, будет немного. Но совсем без электроники Андрей чувствовал себя неудобно.

Именные жетоны Ханны и Рашель он повесил на шею. Если удастся выжить, они отправятся в Космический мемориал на Фрейе. А если нет, там появятся их копии – и его тоже.

Снаружи всё так же стояла ночь, только горизонт вдалеке посветлел, предвещая рассвет. Сколько там период вращения у Клэр? Что-то около недели. Значит, до рассвета ещё долго.

– Смотришь, да? – спросил Андрей у Финна, по-прежнему висевшего в небе там же, где и раньше, только теневой серп увеличился в размерах. – Ну смотри.

Он сам не знал, почему вдруг решил заговорить с планетой. Наверное, потому что Финн действительно напоминал что-то живое, этакий наблюдатель, а может, надзиратель, разглядывающий с небес землю Клэр. И следящий за человечком, которого угораздило выжить на этой земле.

Глубоко вздохнув, Андрей сделал первый шаг. Словно почувствовав это, налетел ветер, зашумел вереск. Конечно, это вовсе не вереск, но какая разница, если он выглядит похоже? А больше, вдруг понял пилот, здесь ничего и не растёт. Никакого биоценоза, или как там это у биологов зовётся. Никакой системы. Один только вереск, и всё.

Неестественно. Так же, как кислород, наверное. Всё вокруг неестественно.

Никакой дороги здесь, конечно, не было. Вереск старался оплести ноги, но мало где поднимался выше колена, и лишь кое-где Андрею встречались густые высокие заросли, которые приходилось обходить. Фиолетовые цветы покрывали землю сплошным ковром, и ковёр этот зловеще шевелился, стоило прийти хотя бы слабенькому ветерку.

Андрей не помнил, сколько часов прошагал так, выкинув все мысли из головы. Небо продолжало медленно светлеть – дома уже давно встало бы солнце, а здесь время будто застыло, как в сказочном королевстве. Лишь когда далеко за горизонтом вспыхнул первый утренний луч, он поднял голову и вдруг понял, что ноги гудят от усталости, спину ломит от неудобной котомки и давно закончилось действие стимулятора, который он вкатил перед походом. Пришлось остановиться там, где стоял – вокруг не было никаких камней или брёвен, где можно было бы присесть. Да он и не помнил, чтобы такое встречалось. Одна только бесконечная равнина, плоская, как стол. Плоская, и всё же не совсем: земля за спиной Андрея едва заметно шла под уклон, и даже отсюда легко можно было заметить на фиолетовой пустоши точку упавшего катера.

Горы стали чуточку ближе. А красный огонёк, прежде исправно мерцавший прямо под Финном, исчез.

Пилот помотал головой, не веря своим глазам. Нет, всё

верно: раньше огонёк располагался почти точно в той же точке горизонта, над которой лежал Финн. Собственно, Андрей на него и ориентировался, чтобы не вглядываться лишний раз в зарю, пытаясь отыскать крохотную алую звёздочку. А теперь её не было.

Он устало опустился прямо на землю, сбросив котомку и выудив колбу с водой – в горле сильно пересохло. Даже если огонёк погас, это ещё ничего не значит. Направление он знает, ориентир никуда не денется в ближайшие пару миллионов лет. Время ещё есть.

Андрей открыл глаза и понял, что всё-таки уснул. Смарт-брасер сообщил, что прошло около шести часов. Красный огонёк так и не появился, Финн остался на своём месте, зато над горизонтом уже висел маленький тусклый диск Проциона, заливая вересковую равнину утренним светом.

Начинался длинный день Клэр.

Никто не потревожил сон незваного гостя, да и некому было это делать. Андрей наскоро перекусил и выпил воды, стараясь делать глотки поменьше. У него оставалось меньше литра, и за всё путешествие не встретилось ни ручейка, ни лужи. Но ведь откуда-то получает же воду чёртов вереск? Должны быть тут и дожди. На Фрейе в Мёртвом поясе их почти не бывает, ну так там и не растёт ничего. И там жарко, как в печке, а тут прохладно. Только облаков не видно. Небо ясное, ни пятнышка. Он не помнил, проплывали ли вверху хоть какие-то намёки на облака, и решил теперь следить за

этим.

В следующие двенадцать часов облака не появились.

Пилот упрямо шагал дальше. Сколько он прошёл за эти два дня – дня по его внутренним часам, но не по часам Клэр? Десять километров, двадцать, тридцать? Об этом он не думал, только поглядывал иногда на горизонт. Горы стали больше, превратившись в сплошную скалистую цепь, уклон земли стал гораздо более явным. Андрей будто поднимался на бесконечный, очень пологий холм. Всё-таки кратер, понял он, и ноги сами подкосились, призывая сесть и отдохнуть.

Он опустился на вересковый ковёр. Сейчас эти цветы почему-то напоминали ему о море: куда ни глянь, всюду одна и та же фиолетовая бесконечность, и если бы не висящая в небе громадина Финна, он легко бы заблудился. Тёмный серп давно уже перешёл далеко за половину диска планеты, и теперь полоска освещённой части постепенно уменьшалась, предвещая новолуние. Или как это называть здесь? Пускай будет новолуние, решил пилот, заложив руки за голову и глядя на Финна. А Финн глядел на него.

В космосе, конечно, он выглядел куда красивее, но и здесь впечатлял. Гигантский голубоватый диск с едва заметными тёмными и светлыми полосами, покрытый завихрениями облаков – таким зрелищем можно было любоваться бесконечно. За двенадцать лет космических путешествий Андрей так и не привык к этому, и каждый раз вид новой планеты бу-

доражил кровь. Это всегда было чем-то необъяснимым, наверное, тем самым, ради чего он вообще раз за разом летал в космос, где на миллиарды километров вокруг нет ничего, кроме безжизненного пространства: увидеть в этой мрачной чёрной пустыне островок света. Вид расстилающейся в иллюминаторах планеты всегда внушал ему некое щемящее чувство, помесь страха и восхищения, аналога которому подобрать Андрей не мог.

А ещё звуки. Газовые гиганты часто кричат на разных волнах, нужно лишь настроиться и уловить этот неживой вопль, забивающий эфир. Финн кричал на тринадцати сантиметрах – ещё на подлёте к нему Рашель включила приёмник и долго слушала, словно пытаюсь понять странный язык планеты. Кричал он и сейчас, только Андрей не мог услышать его.

Прикрыв глаза полоской ткани, он вновь уснул. Где-нибудь в джунглях Фрейи такой сон обошёл бы ему дорого, но здесь за все эти часы Андрей так и не встретил ни птиц, ни зверей, ни насекомых. Здесь не было вообще никого и ничего, кроме проклятого вереска.

Процион продолжал медленно плыть по небу.

Начался новый тусклый «день» – и новый поход. Пустошь несколько не изменилась, разве что уклон стал больше, затрудняя движение. На этот раз Андрей уже не смотрел просто под ноги – он вертел головой, пытаюсь заметить хоть какой-то отблеск, который мог бы указывать на воду. Хотя и

знал, что это бесполезно: вода здесь наверняка стекает к центру, где должно было быть озеро. Правда, там не было видно никакого блеска, но в любом случае возвращаться уже поздно. Единственный путь – туда, куда указывал Финн.

– Я всё равно дойду, ясно? – пробурчал Андрей, глядя на гигантскую планету. Подплывший совсем близко к ней Прочион ослепил его, и пилот прикрылся ладонью. – Дойду, слышишь? Одна десятая – не так уж мало! Дойду!

И, словно в ответ на его слова, начало темнеть.

Прочион уходил за громаду Финна – медленно, очень медленно. Небо чернело, одна за другой на нём вспыхивали звёздочки спутников, а на вересковые пустоши опускалась ночь.

Несколько минут Андрей стоял, тупо пялясь вверх. В себя его вернул тревожный писк смартбрасера: устройство требовало перезарядить аптечку.

– Умолкни, – беззлобно проговорил Андрей, переключая смартбрасер на беззвучный режим. Исчезнувшее за Финном солнце будто вырвало у него душу: куда-то исчезли мысли о грядущей смерти, о тающем запасе воды, о закончившихся стимуляторах и всём остальном, что тревожило его во время всего этого бесконечного пути. Пилот просто пошёл дальше, не думая уже ни о чём, как робот, которого запрограммировали переставлять ноги, да так и оставили.

Он даже не обратил внимания, когда закончилось затмение.

Он не заметил, как лёг спать, проснулся и снова принялся идти, как Прочион закатился за горизонт и снова опустилась ночь, на этот раз настоящая. Уже можно было чётко разглядеть горную цепь, окружавшую кратер, высокую полосатую башню где-то в предгорьях, откуда, наверное, и светил тот красный огонёк, только Андрей уже ничего не замечал. Вчере – или вечность назад? – у него закончилась вода, но и это осталось где-то далеко на границе сознания, несмотря на пересохшее горло.

А потом он упал.

Кажется, у самого подножия башни, хотя и не мог сказать этого наверняка.

Глава 3

Сознание возвращалось неохотно и болезненно. Андрей не сразу понял, что лежит уже не на вересковом ковре, а на простыне, укрытый тонким покрывалом. В горло будто насыпали песка, глаза жгло, как если бы он долго смотрел на солнце.

– Что... – выдавил пилот.

– Молчи, раз очнулся, – сказал приятный женский голос. – Сейчас я дам тебе воды, но не вздумай пить всё сразу. Сесть можешь?

Андрей попытался и с удивлением понял, что действительно может. Глаза по-прежнему жгло, но он всё же разглядел круглую белую комнату, кушетку наподобие больничной и сидящую рядом девушку. Вполне человеческого вида на первый взгляд, а он-то на пришельцев думал.

Пришельцем хозяйка башни совсем не выглядела. Девушка была одета в стандартный сине-серый инженерный комбез, который ничуть не скрывал достоинств фигуры, и та ничем не отличалась от фигур женщин Фрейи. Пальцев на руках – пять, зрачки и голубая радужка тоже нормальные, волосы – русые, естественного оттенка, и Андрей был уверен, что вздумай он заглянуть девушке в рот, то насчитал бы тридцать два зуба, строение которых полностью совпадало бы с человеческими. Вот разве только кожа странно чистая,

без следа родинок, веснушек, загара или ещё какой пигментации. Но мало ли какие процедуры тут в ходу? Удалять родинки научились ещё в докосмическую эру. Да и Прочион светит куда слабее Альфы Центавра.

– Насмотрелся? – хмыкнула она. – Теперь пить будешь?

Он запоздало понял, что разглядывал хозяйку слишком долго, и торопливо кивнул. А потом просто наслаждался, делая крошечные глотки из пластиковой чашки и смакуя каждый, точно лучший нектар. Немного мешала игла в вене на левой руке – рядом с кушеткой обнаружилась капельница, но это Андрея не заботило. Он просто пил, пока чашка, наконец, не опустела.

– Больше не дам, – предупредила девушка, забирая посуду. – Не сейчас.

– Я знаю, – прохрипел Андрей. Собственный голос показался ему рыком страшилища.

– Это хорошо. Раз говоришь, значит, голосовые связки целы. Откуда ты?

Она говорила на системном английском, с лёгким акцентом, который пилот не мог распознать. Не то чтобы он был знатоком языков, но всё же за время службы наслушался говоров и Фрейи, и даже других планет, и такого точно никогда раньше не слышал. С другой стороны, он и на Клэр раньше не бывал. Никто не бывал, если быть точным, и о существовании здесь людей тоже не подозревал.

– Упал с неба.

– Слушай, это не смешно, – она нахмурилась.

– Тогда – Фрейя, если это о чём-то тебе говорит.

– Альфа Центавра?

– Да.

– Потерпел крушение?

– Вроде того.

– Понятно, – вздохнула девушка. – Я думала, инопланетники хоть чем-то от нас отличаются. А ты такой же, как и мы.

Это прозвучало настолько по-детски, что Андрей с трудом сдержал улыбку.

– Меня зовут Андрей Комаров, я майор космического флота Объединённой Фрейи, – медленно проговорил он. – Находился здесь в поисковой миссии, цель – установить судьбу экспедиционного корабля, пропавшего ранее. Возле Финна мы напоролись на что-то в космосе и упали сюда.

Девушка покачала головой.

– Не повезло. А меня зовут Соль.

– Странное имя, но красивое.

– Красивое? – заинтересовалась она. – Почему?

– На многих старых языках оно означает «солнце».

– Ну, тут ты дал маху. Моё имя – это традиционное название одной из нот.

– Нот? – растерялся Андрей.

– Ага. Так, подожди-ка...

Соль прижала его руку к кушетке и, ловко выдернув иглу, отставила капельницу в сторону. Андрей расслабленно

откинулся назад. В теле по-прежнему гнездилась усталость, но уже не было той обречённости, с которой он шагал сюда. Зато вопросов возникло множество, и он сильно сомневался, что Соль ответит на них.

Кто она такая? Что это за башня? Что Соль тут делает? Откуда на Клэр пригодная для дыхания атмосфера, откуда здесь растения?

Послышался стук клавиш – Соль набирала что-то на древней клавиатуре у компьютера. Обручей мышлеуправления у них, видимо, нет. Хотя по общему виду комнаты сказать что-то об уровне развития этой цивилизации было сложно: компьютер на вид простенький, но не совсем уж допотопный, даже на Фрейе сейчас многие используют мышки с клавиатурами; вокруг стен – какие-то приборы загадочного вида, поди пойми, что это вообще такое. Заглянуть бы в нутро местной электроники, и можно будет сказать более определённо. Она как годовые кольца на дереве, параметры выдают эпоху с головой.

Хозяйка башни знает о Фрейе, продолжал размышлять Андрей. Может ли быть, что на планетах Гельветиса или Чалавана нашлись умники, обнаружившие приемлемые условия на Клэр и отправившие сюда колонистов? Да нет, вряд ли. Уж о таком-то знали бы все. Какой смысл скрывать колонию, если в космосе нет места ни политике, ни войнам, и отнюдь не из-за гуманизма и цивилизованности? Никакого смысла. И, в общем-то, нет и разницы, откуда прилетели ко-

лонисты – уже через поколение там будут жить совсем другие люди. Как это случилось, собственно, со всеми колониями Фрейи, да и с ней самой тоже. Со дня прибытия бывших землян в систему Альфа Центавра прошло не так уж много лет, а о Земле никто даже не вспоминает. И сам Андрей никаких чувств к погибшей в ядерном огне прародине человечества не испытывал.

Сейчас ни у кого нет ресурсов для новой колонизации. Самому старому городу, кажется, на Гарафене – пятьдесят с лишним лет, им бы свою планету освоить, а потом уже на чужие лезть. А Фрейя давно уже в кризисе...

– Скоро за тобой прилетят, – Соль оторвалась от компьютера.

– Кто прилетит? – насторожился Андрей.

– Наши люди, конечно. Ты был сильно обезвожен, да ещё и попал в аммиачное облако. Я провела общую поддерживающую терапию, но я не врач. Да и отпускать тебя опасно.

– Почему? – пилот ощутил неясную тревогу. Нет, конечно, его бы на любой планете увезли в какой-нибудь важный корпус вроде центра управления полётами, но что значит «опасно отпускать»?

Это значит, вдруг понял он, что пришельцев здесь не любят.

– Потому что ты – дестабилизирующий элемент, – девушка крутанулась на стуле и развернулась к нему. – Поэтому надо провести превентивные меры.

– Какие ещё превентивные меры?

– Изоляция.

Логично. Только всё равно не даёт никакой информации.

– Пускай изоляция. На что ты вообще можешь ответить?

Кто вы такие? По нашим данным, Клэр необитаема.

– По вашим – да, – усмехнулась Соль.

– Тогда кто...

– Это объяснят специалисты.

– Почему? Разве тебе так сложно ответить?

– Не сложно. Просто я понятия не имею, как ты отреагируешь. Я могу наделать ошибок, за которые мне потом влетит. Пожалуйста, не провоцируй лишний раз. Я и так сказала гораздо больше, чем должна была.

– Вот, значит, как, – помрачнел пилот. Его так и подмывало всё-таки попытаться «спровоцировать» – девушка явно сторала от любопытства, и при должном умении разговорить её не составило бы труда. Но, решил он для себя, вдруг у неё будут неприятности? Этого Андрею не хотелось, в конце концов, Соль спасла ему жизнь.

В молчании они так и провели следующие полчаса – он на кушетке, она за компьютером. Соль будто забыла о госте, целиком погрузившись в работу – из-за её спины Андрей видел какие-то трёхмерные схемы, строчки параметров, но что это означает, понять не мог, а девушка молчала и даже ни разу не обернулась посмотреть, всё ли в порядке. Если её и терзало любопытство, Соль никак это не показывала.

Время растянулось, точно он достиг субсветовой скорости. Град вопросов иссяк, оставив после себя скучное равнодушие – Андрей растерял где-то все эмоции, которыми владел, оставил их на бескрайних просторах фиолетовой пустоши. Остались только мысли.

Куда он попал? Кто живёт на этой планете? Может, это земная экспедиция, созданная уже после войны? Нет, тогда бы всё равно на Фрейе узнали. И по-прежнему непонятно, откуда на Клэр взялся кислород.

И что это за башня? Больше всего она походила на маяк, вот только маяки ставят на побережьях. И на маяках нет таких устройств, как, например, вот эта штука у стены – переплетение труб, какие-то баллоны и куча проводов, соединённые в причудливую систему. Сначала Андрей не обратил на него внимания, будучи занятый хозяйкой, но теперь у него было достаточно времени, чтобы изучить обстановку. И он не понимал предназначения этого здания. Соль была здесь одна, это очевидно, и, скорее всего, занималась управлением – но чем она управляла?

Андрей думал, отбрасывал варианты и возвращался к ним, а потом откуда-то издали послышалось хлопанье винтов, всё нарастающее и нарастающее. Соль оторвалась от экрана, бросила быстрый взгляд в окно, за которым царил ночной мрак, и взяла со стола рацию.

– Три-пять-семь, вызываю, – раздался прерываемый женский голос.

– Говорит три-пять-семь, – сказала Соль. – К прибытию готовы. Возле башни высокая концентрация аммиака, рекомендуется защита.

– Принято, – отозвалась рация. – Световой сигнал наблюдаем, ждите.

– Может, ты хотя бы вернёшь мне одежду? – спросил Андрей, садясь. Соль громко фыркнула.

– Не хочется в одной простынке на транспорте лететь? – она повернулась к нему. – Извини, твой комбез только в утиль сдавать, а запасных тут нет. Ну, есть мой размер, но ты слишком высокий, они не налезут.

– Вот ведь угораздило, – вздохнул пилот.

– Ой, нашёл из-за чего переживать. Всё, что хотелось, я уже посмотрела, не беспокойся.

В этом Андрей не сомневался. Впрочем, и не противился. За четыре дня – или сколько там прошло времени с падения космолана? – лётный комбез наверняка превратился в лохмотья. Да и самому Андрею не повредил бы душ. Оставалось только надеяться, что здешние люди окажутся столь добры, что предоставят его.

Рация вновь ожила, сообщая о подлёте. А через несколько минут за дверью загремели шаги.

Вошедшая в комнату девушка была одного роста с Соль – это всё, что мог сказать пилот при взгляде на гостью, потому что остальное терялось за армейским комбезом и газовой маской, скрывающей большую часть лица. На поясе у неё ви-

сел чёрный пистолет, и Андрей ощутил нехороший холодок на спине, который только усилился, когда следом через порог шагнули двое мужчин с автоматами.

Его собственный пистолет забрала Соль вместе с одеждой, и без него Андрей ощущал себя куда более голым, чем без штанов.

– Дура, – коротко резюмировала гостя, окинув взглядом хозяйку башни.

– Почему? – возмутилась та.

– Потому что тебя засунут в карантин вместе с ним, – девушка ткнула пальцем в сторону Андрея. – И надейся, что инопланетник не заразен. Вон глаза какие красные.

Пилот хотел сказать, что привит от всех известных болезней Фрейи, да и не пустили бы его в космос больным – медосмотр никто не отменял, но взглянул в блики на стёклах маски девицы и прикусил язык. Шутить с представителями местных силовых структур ему не хотелось.

– Это от аммиака, – защитила гостя Соль. – Он сюда пешком добрёл и попал прямо в поток.

– Да? Может, и так, только на слово я не верю, – девушка повернула голову в сторону Андрея. – Глупостей делать не будешь?

– Да я вообще не дурак.

– Тогда поднимай задницу. Соль, выдай ему маску, у подножия превышение концентрации раз в сорок, не меньше. И сама тоже надень.

– Куда я денусь, – пробурчала Соль, выдвигая ящики стола.

– Я могу хотя бы узнать, кто вы такие? – рискнул спросить Андрей, получая в руки противогаз.

– Служба безопасности Города, майор До, – коротко ответила гостья, и пилот вздрогнул. Ещё одна нота? Это уже не могло быть совпадением. – Доволен? А теперь натягивай маску и пошли. Ждать не буду.

Ждать не пришлось. Так Андрей и отправился в путь – голым, в газовой маске да простыне, небрежно обёрнутой вокруг бёдер, высоко подняв голову и делая вид, будто на нём сидит костюм от лучших портных Фрейи.

Правда, его тело не интересовало никого.

Глава 4

Вертолёт ревел, неся их сквозь ночь чужой планеты. Где-то там, за стенкой из углекомполита, сиял Финн под лучами странного солнца, совсем непохожего ни на Альфу Центавра, ни на Гарафену, ни на другие звёзды, у которых поселились люди. Андрей вновь оказался наедине с собственным разумом, который отказывался верить, что на этой мёртвой земле тоже возникла жизнь. Азот. Углекислый газ. Аммиак. Метан. И ведь аммиак действительно был и даже остался – он же угодил в поток. Что произошло с этой планетой?

Погрустневшая Соль сидела, сложив руки на животе, До устроилась напротив и пристально изучала Андрея – а он её. Сквозь маску он с трудом мог разглядеть черты лица, но по крайней мере глаза были такими же, как у Соль. Телом девушки тоже казались очень похожи и даже причёски носили одинаковые – аккуратный хвост на затылке, только волосы у До были не русые, а каштановые.

Длился этот полёт бесконечно долго. Андрей успел запомнить все детали военного комбеза До, все изгибы её груди и бёдер, каждую царапину на гексагональной фактуре комбеза и каждый комок грязи, прилипшей к подошвам ботинок, прежде чем гул винтов сменился на более низкий – машина заходила на посадку. Андрей вздохнул, отмечая, что ожидание кончилось.

Мягкий толчок показал, что вертолёт приземлился, и До указала на дверь.

– Понял, понял, – пробормотал Андрей, вылезая наружу. В лицо ему тут же ударил холодный ветер – посадочная площадка располагалась на крыше какого-то здания. В ночи вокруг горели городские огни, но не так уж много, как машинально отметил пилот. Несколько километров до самых дальних, не больше, и плотность тоже невелика. На Фрейе так выглядела бы деревня.

«Служба безопасности города», – сказала тогда До. Если она не уточнила какого, выводы сделать несложно.

Ждал их всех один-единственный человек – девушка в красно-белом комбезе, замершая у края площадки. Лицо её скрывала газовая маска, и даже в свете Финна Андрей не мог разглядеть ничего за тёмным смотровым стеклом.

– Всё в порядке? – коротко осведомилась она.

– Нет. Соль не догадалась изолировать инопланетника.

– Значит, её тоже в карантин. Идём.

Объяснить Андрею, что происходит, никто не удосужился. Но голова на плечах у него всё же имелась: не надо было иметь мозги ординатора, чтобы догадаться обо всём самому. Здание – скорее всего, больница, раз уж его и Соль собрались помещать в карантинную камеру. Женщина в красно-белом комбезе – медицинский исследователь, или попростому врач. Цветовая кодировка рабочей одежды, судя по всему, здесь соблюдала те же стандарты, что и на Фрейе.

– Сколько будет длиться карантин? – спросил Андрей, обрадовавшись про себя, что стоять наверху не придётся. Он успел продрогнуть почти до костей и завидовал девушкам, облачённым в комбезы с терморегуляцией.

– Несколько дней, пока мы проверим образцы ваших тканей, – не оборачиваясь, сказала медик. – Хотя я и сомневаюсь, что вы заразны.

– Меня никто не пустил бы в космос, будь я болен, – усмехнулся Андрей.

– Разумеется. Но все совершают ошибки.

– Где меня поместят? – он шагнул на лестничную площадку. Автоматчик впереди, ещё один позади. Идиоты, как будто ему есть куда бежать.

– В лучших условиях, которые мы сможем обеспечить.

Дежурные фразы. Фальшивые обещания. Всё как везде – Андрею даже показалось, что никакого крушения не было, не было и путешествия сквозь фиолетовую пустошь, а на самом деле он упал куда-нибудь в горы Беллерофонта, и теперь местное начальство думает, что же с ним делать. Лишь всплывший в памяти светлый диск Финна развеял сомнения.

– Что это за город?

Ему никто не ответил.

Больница встретила Андрея холодными белыми коридорами, точно такими же, как и везде – что на Фрейе, что на Беллерофонте, что на других планетах они строились по одному образцу, и здесь всё выглядело так же, вплоть до акку-

ратных динамиков системы оповещения на потолке. Вкупе со всем остальным это позволяло сделать однозначный вывод: здешние колонисты – не пришельцы, очень похожие на людей, не земляне, сумевшие вновь выйти в космос после разрушительной войны, и ещё много «не». Это люди, такие же, как сам Андрей.

И вопросов только стало больше.

Несмотря на заявления о карантинных камерах, пилота отвели в самую обычную палату. Андрей отметил про себя эту оговорку: собеседники упорно молчали насчёт того, где же он всё-таки очутился, но информация просачивалась – в конце концов, думать и смотреть ему никто запретить не мог. Раз нет карантинных камер, значит, на планете нет инфекций. Даже на Фрейе, где развитие ДНК-вакцин и генной терапии практически уничтожили эпидемические угрозы, врачи оставались готовыми к внезапным вспышкам неизвестных болезней. А здесь – ничего. Здесь не боятся занести заразу из каких-нибудь джунглей.

И уж точно сюда никто не летает.

– Что со мной будет после карантина? – Андрей схватил собравшуюся уходить женщину за руку, и стоявшие за дверью автоматчики заметно напряглись. Сама она, однако, даже не вздрогнула.

– Это зависит от вас, – сказала медик, и Андрей не поверил ей ни на квонт. – Ложитесь спать, цикл уже заканчивается. В начале нового вам дадут завтрак.

Пилот отпустил её, и через несколько секунд дверь недовольно пискнула – активировался кодовый замок. Теперь он в плену.

Тело действительно требовало отдыха, но сперва пилот всё же залез под душ – желание смыть всю накопленную за дни похода грязь оказалось сильнее. Ничем особенным душевая кабинка не удивила, и если бы не едва заметная тяжесть во всём теле из-за повышенной гравитации, несложно было бы закрыть глаза и представить, что всё случившееся – всего лишь сон. Андрей не падал на Клэр, не тащился через пустоши, не летел над чужой планетой в компании девушек-нот... только не было всё это сном. И сила тяжести напоминала об этом лучше всего. Андрей был выше на полголовы, чем До и Соль, выше и «громил» с автоматами, а на Фрейе считался человеком среднего роста. Значит, вдруг подумал пилот, это уже не первое поколение. Здешние люди родились уже на Клэр.

Цикл, сказала врач. Что она имела в виду? На ум приходило только одно объяснение: речь шла о рабочем цикле человека. На Фрейе его определяла смена дня и ночи, но здесь такое деление не годилось. Значит, пришлось изобретать свою систему – так же, как когда-то давно пришлось изобретать её после прибытия на Фрейю.

Андрей заснул с чувством, что он хоть что-то понимает в происходящем. Спал, однако, едва ли не хуже, чем тогда в разбитом космолане и на вересковых полях под гла-

зом Финна, хотя впервые за последнее время мог насладиться чистыми простынями и подушкой. Мучили плохие сны, вспоминалась Рашель, заплатившая своей жизнью за его, а Финн хихикал с фиолетовых небес и что-то шептал, только слов было не разобрать.

– Доброго начала, Эндрю.

Андрей подскочил, едва не упав с кровати от неожиданности. Сознание вернулось вместе с памятью – он вспомнил, где находится и что случилось. И, уже просыпаясь окончательно, пилот ухитрился сфокусировать взгляд – перед ним стояла Соль с подносом в руках, только волосы были не русые, а рыжие. И комбез она тоже сменила на медицинский, красно-белый. И...

– Прошу прощения, – она поставила поднос на столик и взглядом указала на кушетку. Андрей медленно сел, не сводя с гостьи взгляда. – Не хотела вас пугать.

Сквозь стекло маски смотрели знакомые голубые глаза, и всё же это была не Соль. Нет, это была та самая девушка, которая встречала его на вертолётной площадке.

– Вы кто? – прохрипел Андрей. Медик протянула ему чашку с каким-то напитком.

– Си, биолог Центрального управления терраформинга.

– Тоже нота? – брякнул пилот, поднося чашку к губам. Напиток чем-то напоминал чай, хотя вкус был гораздо слабее, будто заваривали его уже не один раз.

– Вам понравилось знакомство с моими сёстрами? Да, но-

та. Надеюсь, вас это не смущает.

– Не смущает. Просто я не привык к таким странным системам имён.

– В нашем мире многое может показаться странным. Так что стоит приготовиться заранее, – пожалала плечами Си.

– Пускай, – согласился Андрей. – Неужели биологи здесь разносят завтраки?

– Конечно, нет. Просто доставка завтрака – не специальная функция, и я решила, что будет удобно захватить его с собой. Вот готовить его я бы не рискнула...

Сначала Андрей не понял. Для него было дико считать доставку еды функцией вообще, неважно, специальной или нет. С другой стороны, что он знает о местном обществе и, главное, языке? Если До, Соль и Си – второе-третье поколение, то колонии никак не меньше сорока лет, за это время в изоляции вполне мог сформироваться специфический сленг. Хотя слова Си, по мнению пилота, были предельно ясны.

«Не специалист» говорила Соль. Значит ли это, что снабжение информацией – специальная функция? Наверное.

А язык? Фрейские выражения вроде «водить по лабиринту», что означало «морочить голову», казались Андрею абсолютно нормальными, но из беседы со знакомым лингвистом он знал, что подобные фразы показались бы человеку двадцать первого столетия дикими. Улетевшие на Фрейю учёные привезли с собой собственные выражения, которые по-

том закрепились и стали частью культуры. От них уже не избавиться, как ни пытайся. Но даже в таком случае человек со стороны, если хорошенько подумает, может понять переносный смысл. А здесь, судя по всему, гостья говорила на прямую.

– Я здесь для того, чтобы взять у вас биологические образцы для анализа и провести опрос, – сказала Си, уловив его замешательство. – Лучше будет сделать это до еды.

– Хорошо, – вздохнул Андрей, поняв, что завтрак откладывается. В животе заурчало – последний раз пилот ел довольно давно. Си, улыбнувшись, села за стол.

– Сначала опросник.

– Куда ж без него, – пилот устроился напротив.

– Имя, – сказала она, включив смартбрасер.

– Комаров Андрей Викторович.

Тик-тик-так, – пробежали пальцы по экрану.

– Гражданство и статус.

Ну да, подумал Андрей, как будто гражданство им многое скажет.

– Панславянский союз. Майор Объединённого Космического флота Фрейи.

Тик-так-так.

– Вы тривиал или модификант?

– Модифицирован по линии EW-06. Из обычных людей нынче в космос летают только безнадёжные романтики.

– EW-06. Синаптическая пластичность, вестибулярный

аппарат, прочность несущих тканей тела?

– Примерно так, наверное. Я точно не знаю, не специалист, – Андрей позволил себе маленькую иронию. Девушка не обратила на это ни малейшего внимания.

– Состояние иммунной системы?

– Что?

– Вы привиты?

– А-а, – понял Андрей. – Точно не скажу, но привит от всего, что только можно. Без этого на мою работу не пускают. В том смартбрасере, что вы у меня отобрали, должна быть полная карта. Кстати, и по модификации тоже.

– Она доступна только фрейским медработникам с соответствующим уровнем допуска, у нас такого нет. Мы, конечно, всё равно её вытащим, в этом нет ничего сложного, но придётся подождать.

– Хорошо, – вздохнул пилот. – Что дальше?

– Профессиональные качества?

– Ну, блин... – пробормотал Андрей, покачав головой. Си изучающе смотрела на него через стол, занеся пальцы над экраном смартбрасера. – Вы что, издеваетесь?

– Нисколько, – она и вправду была совершенно серьёзна.

– Гм... Ответственность, самообладание...

– Я спрашиваю, что вы умеете, – мягко прервала его Си.

Ему захотелось что-то покрутить в руках – Андрей оглядел стол, но тот был девственно чист. Пришлось подавить дурацкие подсознательные желания и взглянуть Си в глаза.

Она ждала.

– Я космонавт, – сказал Андрей. – Это автоматически означает, что я умею почти всё понемногу. Основные обязанности – навигация, расчёт курса, непосредственное пилотирование корабля и контроль бортовых систем. Дополнительно – всё остальное. Я умею управлять наземной и воздушной техникой, стрелять из лёгкого и тяжёлого оружия, оказывать первую помощь, знаю, как вступить в контакт с внеземным разумом, владею синтез-файтингом и могу починить что-нибудь в открытом космосе. Этого хватит?

– Вполне, – на этот раз Си ничего не писала, лишь слушала. Ну ещё бы, подумал Андрей, зачем вносить в базу стандартный ответ. Можно просто написать: командир космического судна, и всё остальное уже очевидно. – Последний вопрос. Что вам известно о Клэр?

А вот этого вопроса, в отличие от остальных, Андрей ждал.

– До прилёта сюда – только то, что было написано в справочнике, – ответил он. – Необитаемый спутник Финна, исследовался давным-давно и мельком, для жизни непригоден. Но сейчас – даже и не знаю, что сказать.

Тик-тик-так.

– Давайте уже ваши анализы, – буркнул пилот. – Я есть хочу.

И вновь Си никак не отреагировала на грубость. Она просто открыла поясную сумку и указала рукой на кушетку.

Много времени, к облегчению Андрея, это не заняло. У него всего лишь взяли пробы крови, кожи и слюны, а кроме того, какой-то штукой вроде пистолета сделали биопсию – чего именно, он так и не понял. Короткий укол боли, оставивший зудящую ранку на плече, и всё кончилось.

– Вы врач? – спросил пилот, пока Си деловито складывала свои жутковатые инструменты обратно.

– Я учёный. Но у наших врачей нет опыта изучения инфекций. Так что отправили меня.

Ещё одна зарубка в памяти. Ещё один элемент головоломки.

– До встречи, – девушка направилась к двери.

– Постойте! – Андрей вскочил с кушетки, и на миг у него закружилась голова. – Когда мне расскажут, что здесь происходит?

– Не знаю. Ждите, – Си закрыла дверь с той стороны. Пискнул замок.

– Дерьмо, – пробурчал Андрей на родном языке, садясь обратно. Желудок вновь напомнил о себе, и пилот, покачав головой, придвинул к себе поднос.

Ничем особенным местная еда не выделялась. Пюре, котлеты из курятины, явно культивированной, мягкий белый хлеб, разве что «чай» был незнаком. На вкус все почти такое же, как дома, и это тоже наводило на определённые мысли.

А кроме мыслей, заняться было ровным счётом ничем – смартбрасер у него отобрали вместе с одеждой, пистолетом

и импровизированной котомкой, и ничего из этого, разумеется, не вернули. Заряда в приборе оставалось ещё надолго, и Андрей не отказался бы почитать что-нибудь, но выбора не было. Вдобавок сказывалось отсутствие Сети, пронизывавшей буквально каждый сантиметр городских пространств Фрейи: в любую секунду можно было включить смартфон или другое устройство и узнать всё, что хотелось – от погоды до последних новостей. Конечно, Андрею было проще – в дальнем космосе доступа к Сети нет, но сейчас он был в городе, и разум отчаянно требовал информации. Пришлось лежать и думать, думать, думать о чём угодно, лишь бы не сойти с ума от скуки.

Он снова вспомнил Рашель и решил, что сумел-таки сделать её смерть не напрасной. Хотя кто знает: падение космоплана вряд ли осталось незамеченным для местных, может, их и нашли бы. А может, и нет. Воды оставалось немного, и вполне возможно, что спасатели наткнулись бы на уже мумифицированные трупы. Вряд ли здесь существует активная микрофлора, способная разложить тела.

Город на планете только один, это понятно. Инфекционных болезней нет, животных он не видел, растения разнообразием не отличаются. Статью о Клэр из звёздного справочника Андрей запомнил почти наизусть, и хорошо понимал: либо писали эту статью, что называется, от балды, либо кто-то заменил информацию.

Почему бы, собственно, и нет.

Часы тянулись один за другим. В какой-то момент ему принесли обед, уже не Си, а какая-то медсестричка, вечером – ужин. Окон в палате не было, да они ничем и не помогли бы, учитывая длину местного дня. В конце концов Андрей попросту выключил свет и лёг спать, забыв обо всём.

Только утром его безмятежная и скучная жизнь оказалась слегка нарушена. Вместо медсестры завтрак принесла ещё одна копия Соль, на этот раз черноволосая, но, не представившись, просто пожелала «доброго начала» и вышла за дверь. Андрей даже не успел её окликнуть.

А под чашкой с чаем обнаружилась записка с короткой фразой: «Не верь им».

Глава 5

Андрей тщательно разжевал записку и проглотил её, запив остатками чая.

Не верь им. Только кому и чему не верить, если ему так ничего толком и не рассказали?

Вопросы появлялись один за другим. Сколько ещё таких вот копий Соль он встретит? Андрей подозревал, что их всё-таки семь, но не был уверен. И кто они такие? Клоны? Скорее всего. Здесь, судя по всему, не очень-то соблюдали принятые на Фрейе законы о недопустимости дальнейших модификаций человека, а только генетическими исследованиями можно было объяснить существование клонов. Фрейянам хватило ординаторов с их нечеловеческой логикой, этим — явно нет.

Кто передал записку и зачем? Раз её передали тайно, значит, это действовали не официальные лица. И «не верить» предлагалось именно официальным. Значит, существует подполье. Только вот его цели, причины конфликта и всё остальное оставалось тайной за семью паролями.

И, опять же, чему не верить-то? Андрей справедливо полагал, что сам имеет голову на плечах и способен понять, если его начнут водить по лабиринту, так что записка, видимо, просто сообщала о существовании других сил на планете. Ну оно и неудивительно. Прилетевшие на Фрейю колонисты

наивно считали, что им удастся воплотить мечту фантастов прошлого о планете без государств и границ, но реальность оказалась против. С чего бы здешним людям отличаться?

Тут Андрей упёрся в тупик. Ему снова не хватало информации.

В раздумьях он то сидел, то разминался, отжимаясь и приседая, благо пространства хватало. Изнуряющий переход через пустошь вымотал его, да и падение с небес не прошло бесследно, но даже после всего этого Андрей сохранял форму. В его профессии иначе попросту и быть не могло.

Он попытался просуммировать всё, что узнал. Получилось немного: на Клэр есть цивилизация, на Клэр есть пригодная для дыхания атмосфера, местное общество очень закрытое, а девушки называются странными именами. Мелочи? Мелочей хватало. Например, все здесь носят стандартные рабочие смарт-комбезы – он не видел пока ни одного человека в какой-нибудь другой одежде. Конечно, до сих пор и люди ему встречались исключительно в формальной обстановке, но такое однообразие наводило на мысли. Затем – оговорка про специальную функцию. Значит ли это, что общество Клэр жёстко регламентировано? Скорее всего, только здесь это ещё и въелось в умы людей, так, что для них даже завтрак приготовить нельзя, если не умеешь. Хотя, наверное, тут есть своя логика.

На этом мысли кончались. Андрей размышлял до обеда, но так и не придумал больше ничего более-менее правдопо-

добного. Да и как иначе, если о социуме Клэр не было никакой информации? Но, когда перед обедом вместо медсестрички в палату опять вошла копия Соль, он подумал, что записку доставили вовремя.

Девушка была первой, кого он видел в больнице без маски, и действительно во всём напоминала Соль, кроме цвета волос – на этот раз визитёршей оказалась пепельная блондинка в эффектном чёрно-белом комбезе. И всё же Андрей хорошо понимал, что перед ним другой человек, не столько из-за цвета волос, сколько из-за сочетания мелких деталей. Девушка улыбалась как-то по-другому – не открыто, как Соль, а с хитринкой, глаза были слегка прищурены, и вся она чем-то напоминала лису. Бледная кожа, без единой родинки или веснушки – такая же, как у Соль, и, кажется, у всех остальных, насколько пилот мог разглядеть, и движения, плавные и мягкие, как у танцовщицы.

Выходит, его заключение кончилось, раз местные позволяют себе входить в карантинную зону без защиты.

– Доброго цикла, Эндрю, – сказала гостя, ставя на столик поднос с обедом.

– Доброго. Последнее время я путаюсь в одинаковых лицах, – пробормотал Андрей.

– Хочешь, чтобы меня заменили на кого-нибудь? – в её голосе слышалось искреннее любопытство.

– Нет. Ты вполне устраиваешь.

– Это правильно, потому что твои желания сейчас ничего

не значат, – она села напротив. – Меня зовут Ре, я офицер службы безопасности Города. Твоё имя я знаю, так что можешь не представляться.

Очередная нота. Андрея это уже не удивляло. Во всём этом безумном полусне прослеживалась система – странная, но закономерная.

– Почему меня допрашивает не До? – спросил он.

– До слишком прямолинейна и бесцеремонна для нормального диалога, а тем более с инопланетником. И ты говоришь неправильно. Я здесь не ради допроса, а чтобы рассказать и ответить.

Ну конечно, подумал Андрей. Так он и поверил. Если До слишком прямолинейна, то логично, что Ре как раз специализируется на общении, и пилот не сомневался, что её «рассказ» незаметно перетечёт в допрос. Ну так деваться ему некуда. Рано или поздно они вытянут всё, что потребуется.

– Ладно, – он откинулся на спинку стула. – Мне всё равно нечем заняться, так что валяй, рассказывай.

Ре покачала головой.

– Ты слишком легкомысленно к этому относишься, – с упрёком сказала она. – Не думай, что мы тебя отпустим. Не потому, что мы такие бессердечные, просто у нас нет ни желания, ни ресурсов, чтобы организовывать космический запуск для отправки домой пришельца.

– Я и не сомневался, – голос Андрея остался ровным, но в душе что-то всё-таки дрогнуло. Вот он, ответ. Ре наверня-

ка что-то недоговаривает, но слова её логичны – вывод груза на орбиту даже на Фрейе стоит немало. А уж здесь и по-давно, если на Клэр вообще есть космодромы. И восточку на Фрейю тоже не подать – через систему Проциона никто не летает. Как и через другие необитаемые системы, если быть честным.

– Это хорошо, – на лице Ре отразилось облегчение. – Тогда тебе будет проще адаптироваться.

– Адаптируюсь. Знать бы, к чему.

– К чужой планете, конечно. Здесь другое тяготение, другая атмосфера и другой климат. И общество тоже другое, потому что мы живём по чётким законам, которые никто не нарушает. Тебе придётся принять их.

– Звучит не очень-то оптимистично, – проворчал Андрей. Не то чтобы его привязывало к Фрейе что-то существенное – так, пара знакомых девиц, с которыми поддерживались тёплые отношения, да узкий круг друзей из таких же пилотов, как и он сам, а больше, наверное, ничего. Куда хуже было другое: остаться на Клэр значило забыть о космосе. И вот этого Андрей боялся куда больше, чем любой неизвестности.

– Я не стану лгать тебе, – спокойно сказала Ре, сцепив пальцы и слегка подавшись вперёд. Глаза её задорно блестели. – Незачем, знаешь ли.

– Вы – колонисты?

– Да. Мы живём на мёртвой планете и делаем из неё мир, где можно жить.

– И получается?

– А разве ты не дышишь нашим воздухом? Это не фигура речи, Эндрю. Мы создали этот воздух.

– Значит, справочник всё-таки не врал? – не выдержал Андрей. «Не верь им», – говорила записка. Только как не верить, если сказанное Ре – единственный более-менее правдоподобно выглядящий вариант? – Никто не заменял в нём информацию и не правил статью? Клэр была необитаемой. С атмосферой, которой нельзя дышать. А теперь...

– Теперь здесь живут люди, – оборвала его Ре. – И дышать тоже можно, как ты уже убедился. Пусть и не везде.

– Объясни, как так вышло, – вздохнул Андрей. – Обещаю не перебивать.

Кивнув, Ре заговорила. А пилот думал, чему верить в её рассказе, а чему – нет. Съеденная утром записка неуклюже ворочалась в животе, обещая море проблем.

Справочник действительно не врал. Он просто устарел: первая и последняя официальная экспедиция к Финну была на заре новой космической эры, когда в НИИ имени Эйнштейна закончили первую действующую модель генератора искривления и запустили космические корабли к чужим звёздам. Это на Фрейю люди летели сто двенадцать земных лет в анабиозных камерах корабля-ковчега, а теперь экзопланеты стали по-настоящему близкими. И хотя бывшие земляне ещё не успели толком обжить новый дом, хотя жили ещё в морях остатки первых жителей Фрейи, почти уничтоженных

захватчиками-людьми, горячие головы уже рвались к звёздам.

Конечно, их пыл быстро остудили. Очень немногие светила имели пригодные к жизни планеты. Процион, например, не имел. Поэтому его систему осмотрели, занесли в каталог, назвали небесные тела как придётся и забыли.

Пока кому-то не потребовалась новая земля.

– Значит, вы всё-таки родом с Фрейи, – сказал Андрей тоном «я так и думал». Ре пожалала плечами:

– Скорее с Земли, раз уж так. Это ты можешь звать себя фрейянином, а на Клэр улетали в основном люди, родившиеся ещё там, на первой планете.

– Когда? – потребовал Андрей.

– Тридцать шестой год новой эры по вашему календарю.

Пилот покачал головой. Выходило, что первой космической колонией после Фрейи был вовсе не Беллерофонт, чем очень гордились тамошние жители, а никому неизвестная – в прямом смысле этих слов – планета-спутник в считавшейся необитаемой системе Проциона. Беллерофонт основали в сорок первом – уж историю освоения космоса он знал отлично.

– Но как? – наконец спросил Андрей. – Почему тогда о вас никто не знает?

– Потому что мы никому о себе не говорим, – Ре не повела и бровью. – И улетали с Фрейи, никому ничего не сказав.

– Но вас бы засекли при взлёте!

– Подробностей я не знаю. За ними обращайся к Архитекторам.

– К кому?

– Архитекторам. Тем, кто прилетел оттуда, – девушка ткнула пальцем в потолок. – Тем, кто придумал весь этот проект по превращению Клэр в живую землю.

Мысли роились в голове, и Андрей не знал, что ответить. Получалось, что и он, и вся Фрейя пропустили грандиозный замысел кучки людей, сумевших под носом у всех вывести на орбиту огромный корабль, улететь к Прочиону и за пятьдесят с лишним лет создать на Клэр пригодную для дыхания атмосферу, наладить производство, построить целый город и... перечислять можно бесконечно. Верилось с трудом. Скажи кто-нибудь о подобном Андрею дома, и он, собственно, не поверил бы. Только вот Ре, сидит напротив – девушка, рождённая на непригодной для жизни планете. И вот он сам, прошедший фиолетовую пустошь этой планеты и оставшийся в живых.

– Что с моим космопланом? – выдавил он.

– Я уж думала, ты никогда не спросишь, – хмыкнула Ре. – Восстановлению не подлежит. Сейчас его исследуют наши люди, один сверхразум знает, что за биологическую дрянь ты мог привезти с собой.

– Судя по тому, что ты сидишь тут без маски, никакую.

– Никакую опасную для наших людей, – уточнила Ре. – У нас у всех есть антитела к болезням, найденным на Фрейе и

привезённым с Земли, хотя как ты мог заметить, тут инфекций не бывает. А вот нарушить биосферу своими микроорганизмами твой космоплан мог легко. Она же тут вся искусственная.

– Не думаю, что это такая уж большая проблема.

– Это не мне судить, хотя, скорее всего, ты прав. Но мы заговорились, – она взглянула на экран смартбрасера. – Обедай, и я покажу тебе город и твою квартиру.

– Мне дадут квартиру? – удивился Андрей, подвигая к себе тарелку с супом.

– А ты думал, мы тут в первобытных условиях живём? Конечно, дадут. С жильём у нас проблем нет.

Не верь им, подумал пилот.

– А с едой? С социальной обстановкой?

– Еды хватает для всех. Может, не очень разнообразной, но ты уже её пробовал, и вроде бы я на твоём лице отворачивания не вижу. В обществе тоже всё спокойно.

Ага, только конспиративные записки кто-то всё равно раздаёт, да ещё и твоя сестра, судя по всему.

Конечно, был шанс, что это всего лишь глупый розыгрыш. Но в такое Андрей не очень-то верил.

Он торопливо поел, оставив поднос на столе – Ре махнула рукой, сказав «заберут», и жестом фокусника бросила Андрею ботинки, пакет с бельём и аккуратно упакованный комбез. Размер был его, но комбез местный, новенький и чистый. Цвет – серо-стальной и тёмно-зелёный, как у лётчиков.

Что ж, пускай.

– Ты не отвернёшься? – для порядка спросил Андрей. На самом деле ему было глубоко наплевать на присутствие наблюдателей, предрассудки насчёт наготы давно уже не имели того веса, как на старой Земле, но хотелось хоть как-то урезонить собеседницу.

– Вот ещё! – фыркнула Ре. – Ты правда думаешь, что я упущу возможность посмотреть, как одевается красивый мужчина?

Вела она себя как девчонка, которой дали ответственное задание быть гидом загадочного чужака-инопланетника, и пилоту пришлось напомнить себе, что Ре, в конце концов, офицер, да не чего-нибудь, а службы безопасности. Оставалось лишь гадать, искренне ли она всё это делает или всё-таки нет.

Пока что никаких подозрений у Андрея не возникло: поведение Ре выглядело абсолютно естественным. Если бы не дурацкое имя и абсолютно чистая кожа, она ничем не отличалась бы от своих легкомысленных товарок с Фрейи, которые не стеснялись вешаться на шею возвращающимся с других планет космонавтам. Раньше пилот без зазрения совести пользовался их благосклонностью, оплачивая приятное времяпровождение рассказами о Беллерофонте, старой Земле и других мирах, где ему довелось побывать. Почему-то ему казалось, что с Ре будет точно так же, и он решил рискнуть.

– Ты много знаешь о Фрейе? – спросил он, застёгивая ком-

без. Мельком отметил, что костюм Ре немного отличался – например, на бедре было специальное крепление для кобуры. Да и чёрно-белая раскраска по такой схеме ему не встречалась. Ре сказала, она офицер-безопасник. Значит, костюм у неё создан под соответствующие нужды. Не зря же место под оружие отвели.

– Не очень, – уклончиво ответила девушка. Пока Андрей одевался, она не спускала глаз с его тела, откровенно пожирая инопланетника взглядом, да так, что ему даже стало неловко. Хорошо, решил он, тогда стоит попытаться пойти дальше.

– А хотелось бы узнать? – пилот принялся шнуровать ботинки.

– Спрашиваешь!

– Тогда замётано, – усмехнулся он. – Если покажешь мне, где тут у вас можно разжиться чаем и как его приготовить дома, с удовольствием расскажу всё, что захочешь.

Долго упрашивать девушку не пришлось.

Город встретил его духотой и... привычностью. Широкие проспекты лучами расходились от центрального круга, где располагалась больница, белые многоэтажные дома из стеклокомпозитов вырастали меж лент дорог, сверкая отполированными пластинами стен и полосами балконов. Типичный город колонистов для небольшого населения – все они строились по одним и тем же принципам, расползаясь от центральной зоны и оплетая структурами всё вокруг, точно ра-

ковая опухоль. Помешать им могли только холмы и реки, только здесь не было ни холмов, ни рек, одна только ровная долина, где вместо фиолетовых кустов стояли дома.

И вместо четырёх лун Фрейи в небе висел Финн.

Находясь в больнице, Андрей потерял ощущение дня и ночи, хотя, наверное, оно ничем бы не помогло на Клэр, где и то и другое длилось почти по четверо суток. Сейчас, например, было утро: Прочион невысоко поднялся над горизонтом и, насколько мог судить Андрей, должен был пересечь громаду Финна только через цикл, не меньше. После адской Альфы местный день казался совсем уж тёмным – пожалуй, даже в полярных областях на Фрейе солнце светило ярче, чем здесь в умеренных широтах, или где там город расположен.

Он поймал себя на том, что начинает считать время подобно местным и спросил у Ре:

– А затмения у вас каждый день случаются?

– Да, – отозвалась она. – Ровно в середине дня. Очень красивое зрелище, меня каждый раз захватывает, хоть и вижу его всю жизнь. Если я правильно понимаю, ты уже наблюдал его.

– Да, когда шёл к башне Соль. Через фиолетовую пустошь. Ре хихикнула.

– Они все фиолетовые. То место – на самом деле старый кратер, очень большой. Тебе вообще повезло. Упади ты сотней километров южнее, и конец. И башня, наверное, оста-

лась бы невидимой, а больше там рядом ничего нет. Ты же на её сигнальный огонёк шёл?

– Ну... да.

– Вот. Ты везунчик.

– Ты просто не представляешь, насколько, – вздохнул Андрей. – Остаться в живых после того, как в наш космоплан вмазал какой-то камешек, упасть на Клэр, совершить относительно мягкую посадку, и всё это почти что без единой царапины... будь дело на Фрейе, я спился бы, отмечая внеочередные дни рождения.

Ре, не поняв про дни рождения, потребовала объяснить, и пилоту пришлось рассказать ей о старой лётной традиции праздновать спасения из гибнущего самолёта. На Клэр, как оказалось, пилоты такого не делали. А может, Ре просто не знала.

Пока они шли по улице, Андрей постепенно начал отмечать различия с городами Фрейи. Например, здесь вообще не было деревьев: белые дома одиноко возвышались над чёрными лентами дорог, и только ветер лениво гонял среди них пыль. Не было здесь и машин – по проезжей части изредка проезжал служебный транспорт, а вот личных автомобилей Андрей не заметил ни одного. В конце концов он не утерпел и спросил об этом своего новоявленного гида, на что получил ответ:

– Разумеется, у нас нет личных машин. А зачем они нужны?

Вопрос оказался настолько простодушным, что Андрей замешкался – и с удивлением понял, что сам не может дать полноценный ответ. В самом деле, большинство людей на Фрейе давно уже пользовались либо беспилотными такси, либо системой общественного транспорта. Личными автомобилями владели не из необходимости, а по желанию.

Он попытался сформулировать это и снова потерпел поражение. Как объяснить Ре ощущения от вождения, те чувства, ради которых Андрей сам во время отпусков выезжал на трассы? Нет, конечно, наверняка она умеет управлять автомобилем. Но это совсем не то. Она ездит по служебным делам, воспринимает машину исключительно как транспорт, не более того. Иначе не спрашивала бы о таком.

– Может, ходим куда-нибудь поужинать? – прервав неловкое молчание, проговорил Андрей.

– Поужинать? Зачем?

Он запнулся. Встречный вопрос был не менее простодушным, чем тот, про личные машины. Даже более, если подумать. Будь дело на Фрейе, Андрей бы решил, что Ре таким образом намекает на нежелание флиртовать, но здесь всё слишком другое, и привычные схемы восприятия никуда не годятся. К тому же тон вопроса и предыдущий диалог тоже не располагали к такому выводу. Ре спрашивала совершенно серьёзно.

– Ну-у... – протянул Андрей. На этот раз он всё же попытался сформулировать в слова то, что в культуре Фрейи под-

разумевалось само собой, и это оказалось очень сложно. – Посидим, поболтаем в каком-нибудь ресторане. У нас так часто делают, чтобы познакомиться поближе.

– Нужно непременно идти в ресторан?

– Э... зависит от финансов, – тут Андрей вдруг понял, что у него совсем нет местной валюты. А значит, и заплатить за ужин он не сможет. Оставалось только надеяться, что на его обеспечение выделили хоть какую-то сумму – принять деньги от Ре он не согласился бы ни в коем случае.

Но Ре тут же развеяла его иллюзии.

– У нас нет денег, – сказала она.

– В смысле, на меня не выделили никакую сумму? Но...

– На Клэр нет денег, Эндрю. Вообще.

На этот раз Андрей остановился, переваривая услышанное. Не то чтобы это было совсем уж поразительно – в конце концов, на Фрейе тоже в первые годы не вводили деньги, потому что полным ходом шла колонизация, и все работали в прямом смысле за идею, получая лишь самое необходимое и не желая большего. Это потом, когда люди немного обжились и начали возникать отдельные конгломерации, возникла и потребность в валюте. Почему именно тогда – Андрей не знал, да никогда и не стремился узнать.

– Тогда ресторан... – начал было он и замолчал, ловя внезапную мысль. – Дай догадаюсь. Ресторанов у вас тоже нет.

– Ну да, – ничуть не смутилась Ре. – В них нет нужды.

– Ладно. В ресторан, значит, мы не пойдём. Куда тогда?

Извини, но я здесь всё-таки ещё турист и не знаю ничего...

– Эндрю, мы живём – жили – буквально в разных мирах. Я не знаю ваших культурных правил. Но если тебя устроит вечерний чай в квартире, то я с удовольствием соглашусь, – она улыбнулась, и Андрей увидел что-то змеиное в этой улыбке. А может, он просто себя накручивает, вдруг мелькнуло в голове. Ведь могут быть исключения. Здесь же изолированное общество, вряд ли преступность вообще создаёт какие-то проблемы. Вот и берут в безопасники кого придётся.

Логично? Не очень. Интригующие записки ведь кто-то пишет.

– Горячо одобряю, – наконец ответил Андрей. – В конце концов, неважно, где ужинать, важен разговор и обстановка.

– То есть тебя интересует не еда?

– Не только еда.

– О! Ну, тогда поделишься со мной своими интересами.

– Обязательно. Надеюсь, они тебе понравятся.

– Надеешься? – быстрый взгляд из-под ресниц. Холодный, внимательный. – Я более чем уверена, что понравятся. Ты ведь столько всего можешь рассказать... и показать.

Слишком уж откровенно, подумал Андрей, и слишком навязчиво.

Всё-таки она переигрывает.

– Рассказывать буду только я? – спросил он.

– Ну почему же. У тебя наверняка накопился миллион вопросов.

– Только мне отказывались на них отвечать.

– Разумеется. Ты ведь не станешь, скажем, садиться за штурвал самолёта, если не умеешь управлять им? Это касается и любой другой сферы.

– Но вопросы...

– Вред от неправильных ответов не настолько очевиден, но он есть.

– Ладно, – сдался Андрей. – А если я расскажу что-нибудь не то?

– Я умею воспринимать информацию адекватно, Эндрю.

Тут она опять дала маху. Прямое, обрывающее диалог заявление слишком уж контрастировало с образом весёлой простоватой девицы, живо интересующейся инопланетником просто потому, что он красивый и загадочный. Оно куда больше соответствовало должности.

Притворялась она весьма умело. Просто, наверное, с театром на Клэр всё было так же плохо, как и с ресторанами. Нет нормальных учителей, да и публика не избалована настоящими актёрами, в отличие от Андрея. Работал на него и опыт межпланетных полётов – в космосе всегда все честно, потому что иначе там нельзя.

А ещё были движения, походка, всё то, что почти невозможно скрыть в течение долгого времени – то, что не смогла скрыть и Ре. Девушка двигалась плавно, точно пантера, шла почти бесшумно, несмотря на твёрдые армейские ботинки, и Андрей не сомневался, что под маской всё-таки скрывается

настоящая ядовитая змея.

До была честной. Ре – нет.

Он пообещал себе быть осторожным и, наверное, попробовал бы отказаться от грядущей ночи, или, вернее, конца цикла, вот только это наверняка вызвало бы у сопровождающей подозрения. Что ж, лучше продолжать играть ничего не понимающего инопланетника, которому приятно общество красивой девушки. Тем более что, в сущности, играть ему не пришлось.

– Сюда, – Ре открыла перед ним дверь подъезда – тоже белую, с сигнальными полосами, как на военной базе. На Фрейе Андрея раздражала пёстрость мегаполисов, сам он предпочитал жить в уютном деревянном домике далеко за пределами городов, благо что работа не требовала ежедневных визитов в офис или на завод. Он любил природу, любил выбраться в джунгли фрейских тропиков и бескрайние леса умеренных поясов, а тут ничего такого не было вовсе. Ре отказалась рассказывать подробности, сославшись на незнание, но кое-что Андрей всё же из неё вытянул: биосфера тут была минимальной, и все растения вне ферм имели чёткие функции в проекте по терраформингу, который продолжался до сих пор. Лесами Клэр похвастаться не могла.

Город же блистал холодной одинаковостью, вызывая у Андрея чувство тоски.

Квартира оказалась маленькой, но уютной. Одна комната, минимум мебели, даже вместо кровати на полу лежал ак-

куратный мягкий матрац. Ничего удивительного, здесь наверняка дефицит материалов – нет древесины, нет угля, нет нефти, и приходится искать другие пути. Единственное овальное окно без балкона, санузел, ничем не отличавшийся от такого же в больнице, маленькая полуавтоматическая кухня, а больше ничего. Хотя, наверное, большего здесь и не требовалось.

Андрей разулся и прошёлся по комнате, чувствуя, как приятно щекочет ноги мохнатый коврик на полу. Запах, вдруг понял он. У квартиры не было никакого запаха, вообще. Так быть не должно.

– Нравится? – спросила Ре.

– Ещё бы. После ночёвок под открытым небом и больничной палаты это просто апартаменты-люкс.

Ре опять не поняла, и Андрею опять пришлось объяснять – на этот раз о том, что такое гостиницы и класс «люкс». Правда, теперь он попытался исподтишка проследить за мимикой собеседницы, и снова заподозрил её в игре «на зрителя». Сказать однозначно, действительно ли Ре не знала о гостиницах или валяла дурака, он так и не смог, но подозрения никуда не делись. А потом девушка явно показала, что объяснения надоели, и возразить было нечего.

Обнимать фрейскую кобру, думал он, целуясь с Ре возле окна. Делала она это неумело, но старательно, и Андрея в который раз настигла волна паранойи: притворяется или нет? Ответить он не мог, а потому просто отдался процессу. В

конце концов, это было лучшим, что случилось с ним после падения на Клэр.

Увлёкшись, он уже перешёл к более активным действиям и расстёгивал комбез девушки, когда раздалась трель смартбрасера. Ре со вздохом отстранилась, отводя взгляд.

– Извини, – пробормотала она. – Не подумала, надо было отключить его.

– Просто не принимай вызов, – прошептал пилот ей на ухо. Устройство продолжало петь.

– Не могу, это Соль. Убить не убьёт, но обидится до смерти, если не отвечу.

Она нажала на кнопку, поднося запястье к голове.

– Ре? – донёсся из динамиков её собственный голос, слегка искажённый передачей. Андрею пришлось напомнить себе, что они все – близнецы или клоны, и голоса у них просто очень похожие. – Ну что там? Его уже выпустили? Почему ты не позвонила?

Он перехватил беспомощный взгляд Ре и ободряюще улыбнулся.

– Выпустили, – буркнула девушка. – Он уже на квартире. Не позвонила, потому что... н-ну-у...

– Ай, брось. Мы тут рядом, узнали, куда его поселили, так что сейчас будем. Чай поставьте.

Смартбрасер тренькнул, отключаясь.

– Мы? – переспросил Андрей.

– Угу. Не знаю, кого она там прихватила. Нет, конечно,

кого-то своего, но неужели нельзя было зайти в гости завтра? Вот ведь нетерпеливая, – последние слова Ре проговорила чуть ли не с отвращением. Андрей же облегчённо вздохнул про себя. Сама того не зная, Соль избавила его от... пилот даже не мог адекватно сформулировать, от чего. От чего-то очень приятного, но вместе с тем странного и опасного.

Ре посмотрела на него.

– Не бойся, – сказала она. – Без сладкого не останешься.

– Уж надеюсь, – соврал Андрей.

Его начинали злить противоречивые чувства. С одной стороны, будь Ре просто девушкой, он не колебался бы ни секунды в вопросе о том, затащить её в постель или нет. С другой – он прекрасно понимал, что, скорее всего, весь этот интерес и флирт разыгран от начала до конца. А вот цель так и оставалась неясной. Зачем Ре это нужно? Для сложной комбинации с его участием? Других причин Андрей придумать не мог. Но какие комбинации можно провернуть таким вот образом, он тоже не понимал.

Размышления прервал звонок в дверь. Ре, колдующая над чашками с чаем, махнула рукой, и через мгновение пилот уже принимал гостей – Соль, одетую во всё тот же сине-серый инженерный комбез, и её точную копию, ту самую черноволосую медсестру, которая передала чёртову записку.

– Меня зовут Ми, – сказала она, протягивая руку. Андрей слегка пожал её, глядя гостье в глаза, а та покачала головой, будто говоря: «не время». Андрей кивнул.

Кажется, у него наконец появился шанс узнать, что тут не так.

Глава 6

Это было самое странное чаепитие, в котором когда-либо участвовал Андрей. Обыденное внешне – и странное, стоит только вспомнить, кто принимает участие.

Он сам – инопланетник, слушающий в оба уха, чтобы выловить крохи информации. Ми, представитель неизвестно кого, но явно оппонирующего власти. Ре, офицер службы безопасности, натянувшая маску невесты для чего....

– А потом, – говорила Соль, – сделали анализы всего, что только можно, разве что мозг на изучение не брали. Ну и наконец сегодня поставили прощальный укол и отпустили, – она слегка поморщилась и пригубила чай.

Андрей последовал её примеру. Соль, наверное, была единственной, кто ни о чём не догадывался и не вёл в этой комнате двойную игру. Ре улыбалась, став более собранной и спокойной – явно не хотела, чтобы сёстры обратили внимание на изменения в её поведении. Ми больше отмалчивалась, то и дело поглядывая на Андрея. Тот поглядывал в ответ, но даже не пытался что-то предполагать: у него для этого было целых полдня. Четверть цикла, если выразаться местными понятиями. И всё впустую.

Они сидели прямо на полу – стул в квартире был единственный, да и сама она явно рассчитывалась на одного человека. Этакie маленькие аккуратные апартаменты, боль-

ше напоминавшие комнату в гостинице, чем живулю квартиру, не столько внешностью, сколько подсознательными ассоциациями. Почти наверняка здесь все такие. Как в рабочих городках, всё по одному образцу и для одной цели.

– Как ты думаешь, я могла чем-то заразиться? – спросила Соль. Андрей мысленно усмехнулся. Паранойя этой девушки была даже сильнее, чем сейчас у него самого. Да и вообще он не отказался бы сейчас поменяться с ней местами. Её паранойя, в отличие от его, была необоснованной.

– Нет, – сказал он. – Ты просто не представляешь, сколько всяких проверок проходит человек, отправляющийся на орбиту. А если в дальний космос, как я, то ещё больше. Да его сверху донизу перебирают, чуть ли не до кварков, и если что выявят – никуда ты не полетишь. И плевать, что подавляющее большинство болезней давно уже не представляют угрозы.

– А зачем тогда нас посадили в карантин?

Наивное дитя, подумал Андрей.

– Потому что всегда есть вероятность ошибки. К тому же я могу нести какую-то заразу, безвредную для меня, но смертельную для вас, потому что у вас нет иммунитета.

– Ты умеешь успокоить, – буркнула Соль.

– Я говорю правду.

– Ну да. Надеюсь.

– Правду, правду, не сомневайся, – благодушно заявила Ре. – Поверь, я знаю.

– А у нас разве кто-то летал в космос? – поинтересовалась Ми.

– Нет. Но я знаю процедуры для космонавтов Фрейи, а Эндрю прилетел как раз оттуда.

– Первый инопланетник на Клэр, – мечтательно закатила глаза Соль. – А вдруг Архитекторы теперь захотят установить контакт с остальными людьми?

– А смысл? – удивилась Ре. – Что они нам дадут? Технологии? Так и мы не дикари. А больше возить в межпланетном пространстве и нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.